

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА М. И. ЧЕРЕМИСИНОЙ (К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

УДК 484.3

Л. А. Шамина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Исследование сложного предложения в тюркских языках Южной Сибири

Представлен итоговый обзор исследования сложного предложения в тюркских языках Южной Сибири коллективом ученых, руководимых профессором М. И. Черемисиной. Перед коллективом стояла задача выявить и описать ведущие принципы организации сложного предложения в тюркских агглютинативных языках; а также проследить, как преломляются на уровне сложного предложения общие закономерности их грамматического строя. Это предполагало выявление структурных и функциональных типов сложных предложений в отдельных языках, сопоставление полученных результатов и соотнесение их с результатами исследований по сложному предложению русского, флективного языка. Результат исследования, изложенный в двух коллективных монографиях, дает теоретический комментарий-обоснование, где выделено ядро системы и показаны основания, в силу которых оно выделяется именно так. Описаны основные, важнейшие системные связи между выявленными моделями. Охарактеризованы функционально-семантические типы сложного предложения.

Ключевые слова: сложное предложение, полипредикативная конструкция, аналитическая конструкция, бипредикативная конструкция, сказуемое, тюркские языки, Южная Сибирь.

Введение

Исследования сложного предложения (СП) в тюркских языках Сибири в Институте филологии СО РАН (прежнее название: Отдел филологии Института истории, филологии и философии СО АН СССР) начали разворачиваться с 1976 г., после выхода монографии Е. И. Убрятовой «Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение» [Убрятова, 1976]. Основные положения этой работы легли в основу концепции авторского коллектива под руководством проф. М. И. Черемисиной. В октябре 2014 г. мы провели мемориальную конференцию, посвященную памяти нашего дорогого Учителя.

Общая цель исследования, которая стояла перед коллективом, – выявить и описать ведущие принципы организации СП в тюркских, последовательно агглютинативных языках, проследить, как преломляются на уровне сложного предложения общие закономерности их грамматического строя. (Позднее в работу были вовлечены исследователи и по другим языкам Сибири: бурятскому, тунгусо-маньчжурским и финно-угорским.) Это предполагало выявление структур-

Шамина Людмила Алексеевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; shamina_la@mail.ru)

Сибирский филологический журнал. 2015. № 2
© Л. А. Шамина, 2015

ных и функциональных типов СП в отдельных языках, сопоставление полученных результатов в масштабе семей и типологической общности, а также соотнесение их с той картиной, которая представлена в описаниях сложного предложения русского, флективного языка.

1. Основные принципы классификации сложных предложений

Результатом исследования явилось обобщенное представление структурной типологии СП языков Сибири. Дан теоретический комментарий-обоснование, где выделено ядро системы и показаны основания, в силу которых оно выделяется именно так. Описаны основные, важнейшие системные связи между выявленными моделями. Охарактеризованы функционально-семантические типы СП.

Ведущим принципом современных классификаций сложных предложений признан структурно-семантический подход, который опирается на представление о предложении как о знаковой единице языка, план выражения и план содержания которой находятся во взаимной связи. Этот принцип был положен авторами и в основу классификации предложений в языках Сибири. В них выделяются три типа СП, структура зависимой предикативной единицы которых четко соответствует передаваемой семантике: модус-диктумные, или изъяснительные (актантные); диктум-диктумные, или обстоятельственные (сирконстантные); релятивные, или определительные (атрибутивные).

Содержание и объем понятия «сложное предложение» ни в одной грамматической традиции не определяется четко и строго. Поэтому в основу трактовки авторского коллектива была положена специфическая функция СП как особой синтаксической формы, предназначенной выражать отношения между двумя событиями (ситуациями, пропозициями), представленными ее предикативными составляющими. Простое предложение (ПП) есть синтаксическая форма представления одного события; предикативная часть СП – это своего рода «косвенная форма», которую принимает простое предложение, вступая в связь с другой предикативной единицей в составе СП [Предикативное склонение причастий..., 1984; Структурные типы..., 1986].

2. Концепция сложного предложения

Основным средством выражения отношений между двумя событиями в русском языке являются бифинитные конструкции с аналитическими показателями связи между частями (союзами, союзными словами и их аналогами). В тюркских языках Южной Сибири (ТЯЮС) сложное предложение индоевропейского типа представлено единичными примерами. Отношения между двумя событиями в тюркских языках передаются иными способами: как правило, монофинитными конструкциями с синтетическими показателями связи – морфемами, встроенными в структуру словоформы зависимого сказуемого (причастия, деепричастия, инфинитива).

Е. И. Убрятова [1976] сформулировала, обосновала и реализовала нетрадиционную концепцию якутского сложного предложения. Она называла якутские предложения сложными, сложноподчиненными. Функционально эти якутские конструкции, равно как и те, которые описаны в других языках Сибири, эквивалентны русским сложноподчиненным. Но традиция, существующая в тюркологии, монголистике, тунгусоманьчжуроведении склонна трактовать их как «простые осложненные предложения» [Вопросы грамматики..., 1958]. Проблема здесь вовсе не в термине, а в том, какое место среди конструкций класса «предложение» они занимают, какими признаками отличаются от русского сложного предложения, в каких отношениях и насколько существенны эти различия.

Типологическая значимость концепции Е. И. Убрятовой была очень важна. М. И. Черемисина предложила проверить ее не только для всех тюркских языков Сибири, но шире, привлекая другие алтайские языки: бурятский [Скрибник, 1988], тунгусо-маньчжурские [Бродская, 1988; Горелова, 1982, с. 40–56].

Для того чтобы избежать терминологических споров о сложности и не сложности тех или иных построений, в исследование был введен термин «полипредикативная конструкция» (ППК) [Черемисина, 1979, с. 9], означающий род, к которому принадлежат и СП, и конструкции, в разных отношениях отклоняющиеся от эталонного представления о СП, но содержащие как минимум два предикативных звена.

Последующие работы проводились в рамках сопоставительно-типологического исследования строя сложного (полипредикативного) предложения, сформулированного в теоретической концепции синтаксической группы Института филологии СО РАН. Эти исследования имели определенную типологическую установку, в основе которой лежали следующие гипотезы.

1. Сложное предложение есть устойчивая синтаксическая форма выражения определенного фиксируемого данным языком отношения между двумя пропозициями, которое передается определенным формальным способом – показателем именно данного отношения.

2. Способы выражения синтаксических отношений между пропозициями могут быть разными, но их набор для каждого языка в каждый момент его существования признается постоянным и доступным учету и фиксации в процессе исследования.

3. Содержательные отношения между частями сложного предложения можно представить некоторым универсальным набором обобщенных смыслов: временные, причинные, следственные, условные, уступительные, целевые, заместительно-предпочительные, компаративные, изъяснительные, дополнительные, атрибутивные. Каждый из них в конкретных языках может быть представлен большим или меньшим набором взаимно противопоставленных частных значений, и некоторые из них, в свою очередь, могут «ветвиться», образуя систему с серией подсистем, все более конкретных и частных (например, система конструкций, выражающих временные или причинные отношения). Некоторые значения, получающие выражение в одном языке, в другом могут оказаться неосознанными и не получающими формализованного выражения.

4. Во всех алтайских языках (тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских) действует типологически близкая система формальных средств выражения отношений между частями сложного предложения.

5. Наборы показателей в языках типологически идентичны, и каждый тип имеет соответствие во всех других языках. Материальные же выразители той или иной синтаксической функции (семантики отношения) могут совпадать или не совпадать.

3. Сложное предложение в тюркских языках Южной Сибири

Описывая объект настоящего исследования – сложное предложение в ТЯЮС, мы используем строгое рабочее определение, выработанное в ходе коллективного сопоставительно-типологического исследования. Оно предписывает сложному предложению наличие в нем двух предикативных узлов, причем таких, ни один из которых не содержит в себе компонента, входящего в другой предикативный узел. В результате приложения этого принципа к нашему материалу, с учетом важного и обязательного принципа биситуативности, вместо понятия «полипредикативная конструкция» вводим термин «бипредикативная конструкция» [Шамина, 2004]. Бипредикативность присуща многим конструкциям: временным, условным, причинным, уступительным.

Биномы распадаются на разносубъектные и моносубъектные, причем по моделям разносубъектных, то есть собственно сложных, всегда можно построить и моносубъектную фразу – но не наоборот.

Этому строгому требованию удовлетворяют далеко не все русские предложения, обычно относимые к сложным. Например, в предложениях типа: «То, что ты задерживаешься на работе, мне совсем не нравится», зависимая предикативная единица выступает в функции подлежащего по отношению к сказуемому главной (*не нравится*). Но русская традиция признает его сложным, а тюркская скорее нет. При этом термин для подобных конструкций отсутствует.

Теоретической базой для исследования языков Сибири традиционно является русистика, в которой выработаны принципы классификации тех или иных объектов, в частности, принципы классификации сложных предложений.

Однако механическое перенесение всех достижений русистики на материал языков других систем часто оказывается невозможным.

Отношения между событиями, которые в русской грамматике составляют основу семантических типов союзных СП, в тюркских языках выражаются без помощи союзов. Ясно, что формы, содержащие такие показатели связи, не могут быть сказуемыми ПП, они называются инфинитными. К числу инфинитных форм принадлежат формы косвенных наклонений, деепричастия, а также причастия. Известно, что тюркские причастия свободно функционируют как сказуемые ПП. Инфинитными формами они становятся, в частности принимая падежное и притяжательное оформление. Это дает основание говорить о склонении предикативных причастий, или о предикативном склонении [Убрятова, 1976; Черемисина, 1979; 1984]. Русские причастия склоняются, будучи определениями; тюркские причастия, как и прилагательные, в роли определений примыкают к определяемому имени. Склонение причастий прямо обусловлено ролью сказуемого зависимой части в СП определенных типов.

Предикативное склонение является центральным механизмом тюркского гипотаксиса. Современные тюркские языки используют разные способы выражения отношений между событиями, в том числе союзное соединение предикативных частей по классическому европейскому типу. Но основная масса моделей СП прямо или опосредованно связана с предикативным склонением, с использованием падежных аффиксов для связи не словоформ, а частей СП.

Система причастного предикативного склонения является центральной для тюркского синтаксиса. В ней выделяются две подсистемы.

Первая подсистема представлена бипредикативными конструкциями (БПК), выражающими модус-диктумные отношения (выполняющими роль подлежащего и дополнения) зависимой предикативной единицы (ЗПЕ). Ядро этой подсистемы составляют винительный и неопределенный падежи. Аккузатив используется для формирования таких БПК, в которых отношения между зависимой и главной предикативными единицами (ПЕ) определяются как управление.

(1) Тув.: *Бичимден-не өскүс калганымна сеңээ чугааладым.* (СС, А, с. 45)

бичи=им=ден=не	өскүс
маленький=POSS1Sg=ABL=PRTCL	сирота
кал=ган=ым=на	сеңээ чугаала=ды=м
оставаться=PP=1Sg=DAT	ты.DAT сказать=PAST _{fin} =1Sg

‘Я рассказал тебе о том, что с детства стал сиротой.’

Между падежом, которым глагол управляет, и его семантикой существует строгое соответствие. Причастие в форме аккузатива управляется переходными глаголами с семантикой оперирования информацией. Причастие в форме датива управляются непереходными глаголами с семантикой эмоциональной реакции. Бипредикативные конструкции с причастием в форме номинатива обозначают

реакцию (чаще всего эмоциональную) на некоторый стимул, который выражен подлежащим.

Вторая подсистема представлена БПК с диктум-диктумными (обстоятельственными) ЗПЕ. Ядро этой системы составляют местный, дательный, исходный и творительный падежи. Тип связи между зависимой и главной ПЕ в таких конструкциях определяется как примыкание, поскольку использование падежа обусловлено не требованием главного предиката, а значением всей БПК.

(2) Хак.: *Олар парыбысханда, Салар хан апсах аңчыларга хабар идібискен.* (ХП, с. 23)

олар	пар=ыбыс=хан=да	Салар	хан
он.РІ	идти=ІРІ=РР=LOC	Салар	хан
апсах	аңчы=лар=ға	хабар	ит=ібіс=кен
старик	охотник=РІ=DAT	весть	делать=РFV=РР

‘Когда они пришли, Салах хан охотникам весть дал.’

Релятивные (атрибутивные) БПК составляют особый структурно-семантический тип, отличный от диктум-диктумных и модус-диктумных БПК. Сказуемым ЗПЕ в них служат несклоняемые и неспрягаемые причастные формы, примыкающие к определяемым.

(3) Алт.: *Јайлунын ичиле барган Јаан јолло кўнўн ле сайын кызыл черўлердин қошторы чўйилижип тургандар.* (ЛК, АК, с. 26)

Јайлу=нын	ичиле	бар=ган	јаан	јол=ло
Дьайлу=GEN	через	идти=РР	большой	дорога=INSTR
кўнўн	ле	сайын	кызыл	черў=лер=дин
день	PRTCL	каждый	красный	армия=РІ=GEN
кош=тор=ы		чўйил=иж=ип	тур=ган=дар	
груз=РІ=POSS3	тянуться=RECIP=CV	стоять=РР=3РІ		

‘По большой дороге, которая шла через Дьайлу, каждый день тянулись обозы Красной Армии.’

Такому морфологическому (синтетическому) подчинению в концепции Е. И. Убрятовой противопоставлена аналитическая, союзная связь, которая оценивается ею как сочинение, независимо от того, какие именно смысловые отношения этим способом выражаются.

В частности, причинные отношения в разных тюркских языках могут выражаться конструкциями и сочинительными, и подчинительными, т. е. организованными и по принципу союзной связи (ср. тув. *чүге дээрге* ‘потому что’, алт. *ненин учун дезе* ‘потому что’ – причинные союзы) и по принципу морфологического подчинения (например, формами исходного падежа преимущественно именных предикатов или причастиями прошедшего времени в исходном падеже с послелогом и другими подобными формами).

Функционально якутские конструкции, равно как и конструкции, которые описаны в других тюркских языках, эквивалентны русским сложноподчиненным. Но традиция, существующая в тюркологии, склонна трактовать их как «простые осложненные предложения».

3.1. Структурные типы БПК в тюркских языках Южной Сибири. Для выражения отношений между частями БПК в тюркских языках Южной Сибири используются монофинитные и бифинитные конструкции. Основная роль принадлежит монофинитным БПК с синтетическими и синтетико-аналитическими показателями связи.

Конструкция оценивается как монофинитная (см. примеры 1–3), если только в одной из ее частей сказуемое имеет финитную форму, а вторую возглавляет инфинитная форма, не способная конституировать автономное ПП.

Бифинитные конструкции включают аналитическое средство выражения зависимости. Исследования, проведенные на материале тувинского, алтайского и хакасского языков, показали, что аналитические показатели связи в тюркских языках Южной Сибири представлены слабо в силу того, что широко используются синтетические деепричастные, причастно-падежные формы, передающие подчинительные отношения.

Однако развитие литературного языка, художественной литературы предопределяют появление и развитие аналитических связующих элементов. Вопрос только в том, в какой мере они соответствуют или не соответствуют традиционному представлению о союзах.

3.2. Семантические типы БПК в тюркских языках Южной Сибири. Семантические типы БПК, выделенные в соответствии с общим характером выражаемых отношений, обнаруживают координацию с функцией компонентов простого предложения и одновременно – с определенными структурными типами. Аналогию с простыми членами предложения (прямым и косвенным дополнением, подлежащим) обнаруживают модус-диктумные БПК, зависимое сказуемое которых выражено падежной формой причастия. Аналогию с различными обстоятельствами обнаруживают диктум-диктумные БПК, зависимое сказуемое которых выражается неуправляемыми падежными или причастно-последовательными, деепричастными формами.

В *диктум-диктумных БПК* – особенностью тувинского и алтайского языков является использование большого количества моделей с послелогом (тувинский) и служебными именами (алтайский) в составе сказуемого ЗПЕ для выражения значения следования. В хакасском языке эти отношения выражаются синтетическими причастно-падежными БПК, как и отношения предшествования. Отношения одновременности представлены примерно одинаково в трех языках конструкциями со служебными именами. Семантика общей временной соотнесенности выражается большим количеством моделей причастно-падежного типа в тувинском языке.

Отношения обусловленности сложнее временных отношений, потому что обусловленность органически сопряжена с модальностью, основанной на ожидании говорящего. Отношения обусловленности не могут устанавливаться помимо субъекта, способного к умозаключению.

Временные же отношения умозаключения не предполагают. Системная организация БПК обусловленности трех тюркских языков характеризуется принципиальной общностью: синтетические БПК с синтетико-аналитическим подтипом в плане выражения противопоставлены аналитическим. Наряду со сходствами обнаружены индивидуальные особенности этих конструкций. Тувинские БПК обусловленности отличаются от своих аналогов в хакасском и алтайском языках вхождением целого ряда послеложных форм и аналитических связующих элементов союзного типа, либо заимствованных, либо созданных из собственных ресурсов языка.

Каждому крупному семантическому типу соответствует определенное множество моделей, конкретных структурных форм, имеющих в изучаемых языках как общие, так и различные черты.

Содержательная специфика *модус-диктумных* отношений состоит в том, что предикативные единицы, связанные таким образом, принадлежат разным уровням рефлексии: зависимая ПЕ представляет какое-то событие действительности, а главная ПЕ выражает какую-либо психическую операцию – восприятие, мысль, чувство, эмоциональное отношение или оценку, направленную на событие действительности, представленное зависимой ПЕ. Иначе говоря, главная и зависимая ПЕ в модусных БПК по-разному соотносятся с действительностью: зависимая ПЕ просто отображает некоторое событие действительности.

Главная ПЕ модусных БПК передает субъективное восприятие человеком событий объективной действительности, «обработку» объективной информации человеческим сознанием. Поэтому модусные пропозиции, соответствующие главной ПЕ, не могут существовать в форме самостоятельных простых предложений. Предложения типа: *мен уттум* 'я забыл' возможны только в диалоге, в ситуации, когда собеседникам известно, о чем идет речь ('что я забыл, всем ясно').

Зависимая ПЕ непосредственно подчиняется сказуемому главной части, выступая при нем в качестве обязательного сильно управляемого предикативного дополнения, прямого или косвенного, или предикативного подлежащего. В соответствии с этим она оформляется показателями винительного, дательного или исходного падежей, которые принимает на себя сказуемое ЗПЕ.

Выполняя функцию предикативного подлежащего, ЗПЕ не принимает падежного аффикса; соответствующее падежное значение передается отсутствием падежного показателя. Финитный глагол – глагол оперирования информацией или эмотивный глагол, имеющий залоговый показатель.

Модусные пропозиции, выражаемые главной частью модус-диктумных БПК, противопоставлены друг другу и семантически, и формально. Пропозиции интеллектуального оперирования противостоят пропозициям эмоционального отношения к этому событию, а те и другие вместе – оценочным пропозициям. Каждый из этих трех типов представлен более частными группами значений.

Конструктивной вершиной модус-диктумных БПК в целом является ее конечное сказуемое. В этой роли выступают глаголы определенных лексико-семантических групп. Конечными предикатами могут быть также прилагательные и устойчивые обороты, выражающие разного рода оценки, выносимые под разными углами зрения.

4. Аналитические конструкции в языках Южной Сибири

Второе направление научных интересов М. И. Черемисиной связано с исследованием аналитических конструкций сказуемого (АК) в ТЯЮС [Черемисина, Шамина, Монгуш, 1996, с. 224–229].

(4) Тув.: *Эң мурнунда Черликпен ышкаш бедик, тас кара ыт халып олур.* (СТ, с. 22)

эң	мурнунда	Черликпен	ышкаш	бедик
самый	впереди	Черликпен	COMP	высокий
тас	кара ыт	халып	ол=ур	
прекрасно	черный собака	прыгать=CV	AUX.IMPF=PrP	

'Впереди, похожий на Черликпена, большой черный пес мчится.'

В результате проведенного исследования во всех изучаемых языках были выявлены достаточно мощные блоки АК модальной, аспектуальной и отчасти темпоральной семантики. Обнаружены и некоторые АК с комбинированной (более сложной) семантикой. Отмечен последовательный, хотя и не полный, типологический параллелизм: он касается как типологии структурных форм, так и выражаемых этими формами обобщенных смыслов. Наблюдаются сходные отношения между типами форм и типами выполняемой ими смысловой нагрузки; т. е. и на функционально-семантическом уровне усматриваются аналогичные отношения.

Заключение

Проведенное исследование показало, что существует связь между типом формальной организации БПК и характером их синтаксической семантики. Важная закономерность состоит в том, что чем проще формальное устройство конструк-

ции, тем более разнообразное содержание она позволяет выразить. Самыми простыми являются конструкции с деепричастными формами сказуемого ЗПЕ. Эти формы способны выражать не только временные отношения между событиями, но и широкий спектр других отношений: причинные, уступительные и т. д. Простейшие формы в темпоральных БПК связаны прежде всего с выражением общей временной отнесенности, а во вторую очередь – с выражением простейшего из дифференцированных отношений – выражением следования.

Чем сложнее выражаемые конструкцией семантические отношения между событиями, тем, как правило, сложнее оказывается ее структурная организация. Причастно-падежные формы без послелогов передают значения более простые, менее дифференцированные, нежели с послелогом. Временные отношения между событиями так или иначе выражаются в любых БПК. Но в специализированных (причинных, уступительных и т. п.) конструкциях они составляют фон, а в темпоральных – основное синтаксическое содержание связи. Таким образом, временные отношения формируют ту базисную структуру, на которую налагаются специализированные типы отношений.

Отношения обусловленности сложнее временных отношений, потому что обусловленность органически сплетена с модальностью, основанной на ожидании субъекта речи (говорящего). Отношения обусловленности не могут устанавливаться помимо субъекта, способного к умозаключению, тогда как временные отношения не предполагают умозаключения.

Системная организация БПК обусловленности трех тюркских языков характеризуется принципиальной общностью: синтетические БПК с синтетико-аналитическим подтипом в плане выражения противопоставлены аналитическим.

Наряду со сходствами обнаружены индивидуальные особенности этих конструкций. Тувинские БПК обусловленности отличаются от своих аналогов в хакасском и алтайском языках вхождением целого ряда послеложных форм и аналитических связующих элементов союзного типа, либо заимствованных, либо созданных из собственных ресурсов языка.

Монофинитные БПК тюркских языков Южной Сибири обнаруживают стройную системную организацию, общую для всех исследуемых языков.

Итогом исследования АК сказуемого в ТЯЮС является вывод о том, что в результате взаимодействия грамматического значения (задающего точку зрения на ситуацию) и акционального типа глагольной лексики развивается аспектуально-темпорально-модальное значение АК в целом.

Список литературы

Бродская Л. М. Сложноподчиненное предложение в эвенкийском языке. Новосибирск, 1988.

Вопросы грамматики тюркских языков: Материалы координационного совещания по проблемам глагольного вида и сложноподчиненного предложения в тюркских языках. Алма-Ата, 1958.

Горелова Л. М. Способы выражения подчинения в полипредикативных конструкциях в маньчжурском языке // Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1982. С. 40–56.

Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск, 1984.

Скрибник Е. К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. Новосибирск, 1988.

Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск, 1986.

Убратова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение: В 2 кн. Новосибирск, 1976.

Черемисина М. И. Некоторые вопросы теории сложного предложения. Новосибирск, 1979.

Черемисина М. И. Теоретические итоги исследования сложных предложений в алтайских языках Сибири // Изв. СО АН СССР. 1984. № 14. Сер. истории, филол. и филос. Вып. 3. С. 15–20.

Черемисина М. И., Шамина Л. А., Монгуш Д. А. Структурно-семантические характеристики сказуемых в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. М., 1996. С. 224–229.

Шамина Л. А. Система бипредикативных конструкций с инфинитными формами глагола в тюркских языках Южной Сибири: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2004.

Список источников

- ЛК, АК – Кокышев Л. Алтайдын кыстары. Горно-Алтайск, 1980.
СС, А – Сарыг-оол С. Аңгыр-оолдуң тоожузу. Кызыл, 1978.
СТ – Салчак Тока. Араттың созу. Кызыл, 1967.
ХП – Хаара Паар. Абакан, 1979.

Грамматические значения в глоссах и структурных схемах

ABL – аблатив; **AUX** – вспомогательный глагол; **AUX.IMPF** – имперфектив; **CV** – деепричастие; **DAT** – датив; **GEN** – генитив; **INSTR** – инструменталис; **LOC** – локатив; **PFV** – маркер совершенного вида; **Pl** – множественное число; **POSS** – посессивный показатель; **PP** – причастие прошедшего времени; **PrP** – причастие будущего времени на =ар; **PRTCL** – частица; **RECIP** – совместный залог; **Sg** – единственное число.

L. A. Shamina

The Study of Composite Sentence of Turkic Languages of South Siberia

The article presents the final view on the research of the composite sentence (CS) in Turkic languages of South Siberia prepared by the group of scientists (supervised by Professor M. I. Čeremisina). The group had to find and describe the main principles of formation of CS in Turkic agglutinative languages and to understand how the general regularities of grammatical structure are transformed at the level of composite sentence. This included revealing structural and functional types of composite sentences in different languages, comparative analysis of the results and finding out how they correlate with the results of the study of composite sentence of Russian (which is an inflective language). The results of the research described in two group monographs gives the theoretical observation in which there singled out the main component of the system and introduced the principles according to which it was singled out. There were described the most important systemic connections between the revealed models and characterized the functional semantic types of CS.

Keywords: composite sentence, polypredicative construction, analytical construction, bipredicative construction, predicate, Turkic languages, South Siberia.